

DOI 10.35775/PSI.2025.121.4.014

УДК 32

П.М. БЕЛЕВИЧ

аспирант кафедры политического анализа
и социально-психологических процессов Российского
экономического университета имени Г.В. Плеханова,
Россия, г. Москва
E-mail: p.m.belevich@mail.ru

ЭВОЛЮЦИЯ ИСЛАМИСТСКИХ ДВИЖЕНИЙ: ОТ ПОЛИТИЧЕСКОГО АКТИВИЗМА К ГОСУДАРСТВЕННОМУ УПРАВЛЕНИЮ

Политическая трансформация исламистских движений, колеблющихся между институционализацией и идеологической жесткостью, требует комплексной аналитической базы: взаимодействие структурных детерминант – экономической устойчивости, политической гибкости и международных интервенций – обуславливает устойчивость исламистского правления, делая любую универсальную объяснительную модель недостаточной. В данном исследовании рассматриваются механизмы, с помощью которых исламистские движения переходят от политической активности к государственному управлению, определяя детерминанты успеха или системной фрагментации в различных политических средах; идеологическая эластичность и структурная адаптивность оказываются центральными переменными в формировании траекторий управления. В исследовании используется сравнительный подход к изучению конкретных случаев – с фокусом на исламистских движениях на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Юго-Восточной Азии – с включением качественного контент-анализа политических программ, риторики лидеров и институциональных рамок, а количественные методы оценивают корреляцию электоральных результатов с экономическими показателями; статистическая обработка (SPSS) уточняет эмпирическую достоверность моделей управления в исламистских режимах. Выявляются три доминирующие модели политической эволюции исламистов: «правовая интеграция», наблюдаемая в турецкой АКР – доктринальная модуляция обеспечивает политическое долголетие; «гибридные режимы», примером которых являются египетские «Братья-мусульмане» – электоральное восхождение встречает институциональное сопротивление; и «радикализация с подражанием государству», наблюдаемая в афганском «Талибане» – принудительному управлению не хватает структурной выносливости – экономические ограничения диктуют институциональную стабильность, что усиливает гипотезу (социально-материальные условия превосходят идеологическую последовательность в определении политической устойчивости). Результаты исследования опровергают детерминистские интерпретации исламистского управления – политическая устойчивость коррелирует с экономической жизнеспособностью и системной адаптацией, а не с идеологической чистотой; международные факторы,

посредством санкций или спонсорства, влияют на долговечность управления, формируя стратегическое позиционирование исламистских движений – адаптация зависит от структурной гибкости, а не от доктринальных преобразований. Политики и аналитики должны пересмотреть модели управления не как фиксированные траектории, а как «адаптивные континуумы» – исламистские движения, пересматривая идеологические позиции в институциональных рамках, перемещаются по диалектике легитимности и прагматики власти. Будущие исследования должны усовершенствовать прогностические модели исламистского правления и интегрировать структурные зависимости и геополитические случайности – для оценки жизнеспособности политического ислама в современных государственных образованиях.

Ключевые слова: исламистское управление, политическая институционализация, идеологическая адаптация, государственное строительство в политическом исламе, электоральный успех исламистских движений, геополитическое влияние на исламизм, гибридные режимы и религиозная политика.

Вступление. Исламистские движения, по своей природе неоднородные, претерпели процесс трансформации, переходя от активизма к управлению – этот переход, не являющийся ни линейным, ни универсально определенным, выявляет модели адаптации, сформированные внутренними идеологическими рекалибровками и внешними геополитическими ограничениями (теоретические рассуждения о постисламизме подчеркивают взаимодействие между доктринальной эволюцией и политическим прагматизмом, ставя под вопрос, ослабляет ли участие в формальных институтах радикальные тенденции или служит стратегической рекалибровкой) [2]. Траектория политического ислама колеблется между интеграционистской и отвергающей парадигмами – такие движения, как Эннахда в Тунисе, иллюстрируют сознательный переход к «мусульманской демократии» (отмеченной институциональным разделением религиозной и политической сфер) [6], египетские «Братья-мусульмане», после циклов подавления и возрождения, демонстрируют неустойчивость взаимодействия исламистов с государственной властью, выявляя структурные препятствия для устойчивой политической инклюзии [1].

Радикализация, сопоставляемая с институционализацией, представляет противоречие: если последняя означает отход от абсолютистских идеологических рамок, охватывая избирательные процессы и структуры управления, то первая сохраняет свою силу как реакция на системное исключение (пример Исламской партии Кении и «Ансар Сунна» иллюстрирует это раздвоение – первая участвует в формальной политике, а вторая полностью отвергает государственные структуры) [13. Р. 40-56]. Исламистские партии, несмотря на их участие в выборах, остаются объектом регулирующих механизмов, которые либо способствуют, либо сдерживают их интеграцию – государственная политика колеблется между контролируемым приспособлением и откровенным подавлением, что приводит к расхождению траекторий: включение Южного отделения Исламского движения в коалиционное правительство Израиля (аномалия в исламистской политике) отражает прагматизм, навязанный политическими

ограничениями [3], исключение «Братьев-мусульман» в Египте после 2013 года демонстрирует шаткость исламистского правления в условиях военного доминирования [11].

Обзор литературы. Исламистские движения функционируют как динамичные образования, взаимодействуя с государственными институтами через процессы адаптации, сопротивления и идеологической рекалибровки – каждая трансформация создает структурное возмущение, которое переопределяет конфигурации управления (теоретические модели колеблются между «институционализацией» и «революционным перемещением», когда движения либо встраиваются в существующую политическую архитектуру, либо пытаются разорвать систему) [5]. Дискурс о модернизации предполагает: исламистские движения под политическим давлением меняют доктринальную жесткость, переходя от эксклюзивных идеологических рамок к гибридным стратегиям управления, эмпирические данные свидетельствуют о нелинейности этих переходов (гипотеза «пост-исламизма» предполагает демократизацию, но исторические траектории показывают колебания между прагматизмом и догматизмом) [9].

Сравнительный анализ политической интеграции исламистов в разных государствах показывает расхождения: тунисская Эннахда придерживается идеологической умеренности, ХАМАС сохраняет государствоцентричную модель, обеспечивающую исламское управление сверху, а палестинский Исламский джихад вообще отвергает государственные структуры, выступая за децентрализованную религиозную организацию (эта трехсторонняя схема ставит под сомнение предположения о единой траектории исламистов) [8]. Революционная и эволюционная модели исламистской трансформации остаются спорными: одни ученые выделяют постепенные идеологические сдвиги, ведущие к институциональному приспособлению, другие утверждают, что моменты системного кризиса катализируют резкие перестройки, порождая фрагментированные и нестабильные политические конфигурации (исламское движение Судана иллюстрирует последнее – неспособность режима институционализировать механизмы управления привела к внутреннему расколу) [10. С. 143-157].

Теоретические пробелы сохраняются – методологические ограничения искажают выводы, ограничивая объяснительную сферу существующих исследований: опора на контролируемые государством нарративы скрывает внутренние идеологические рекалибровки; электоральный анализ игнорирует неформальные структуры власти; западноцентричные модели демократизации не могут учесть исламистские парадигмы управления (исламистские движения функционируют в параллельных системах легитимности – балансируя между религиозной юриспруденцией и политической целесообразностью) [4]. Поле ограничено дефинитивной двусмысленностью – различия между «политическим исламом» и «исламистским фундаментализмом» остаются подвижными, что затрудняет сравнительный анализ региональных контекстов (сама концепция «исламской демократии» остается парадоксальной – демократическое участие является инструментальным, а не идеологическим) [9]. Взаимодействие между

идеологией и управлением остается недостаточно изученным – исламистские движения демонстрируют идеологическую эластичность не как функцию демократизации, а как механизм выживания в колеблющейся политической среде, – это поднимает фундаментальные вопросы о долгосрочной жизнеспособности их политической интеграции.

Сравнительный подход к изучению конкретных случаев лежит в основе исследовательского плана: политические траектории исламистских движений на Ближнем Востоке, в Северной Африке и Юго-Восточной Азии служат эмпирическим обоснованием теоретических абстракций – случаи отбираются с учетом различий в типе режима, исторической траектории и степени институциональной интеграции, что позволяет выявить закономерности, выходящие за рамки локальных случайностей (цель – теоретическое обобщение путем контролируемого сравнения). Временные рамки исследования охватывают конец XX – начало XXI века, период, отмеченный двойственными процессами «исламистского возрождения» и «государственной реструктуризации» – участие в выборах и репрессии взаимодействуют в непредсказуемых конфигурациях. Прослеживая эту временную дугу, исследование фиксирует как краткосрочные флуктуации, так и долгосрочные структурные сдвиги.

Анализ данных проводится в соответствии с двойной методологической стратегией: качественный анализ сосредоточен на политических программах, уставах партий и риторике лидеров, выявляя идеологические сдвиги и стратегические рекалибровки. Дискурс-анализ выявляет внутренние противоречия, обнаруживая напряжение между доктринальной чистотой и прагматической адаптацией (исламистская риторика не является ни статичной, ни монолитной; текстовый анализ деконструирует ее внутреннюю диалектику). Количественный анализ измеряет электоральные показатели, отображая успех или неудачу исламистских партий в различных контекстах. Статистическая обработка с помощью SPSS позволяет провести корреляционный анализ между экономическими показателями и политическими результатами, проверяя, обуславливают ли социально-экономические факторы устойчивость исламистского управления (успех на выборах не обязательно переходит во влияние на политику; статистическое моделирование фиксирует эти расхождения).

Этические соображения имеют первостепенное значение: проверка источников смягчает идеологические искажения – первичные документы подвергаются триангуляции для обеспечения надежности; вторичные источники оцениваются на предмет политической предвзятости, признавая, что научные интерпретации встроены в идеологические дебаты. Методологические ограничения обусловлены ограниченным доступом к архивным данным – государственная цензура в авторитарных условиях препятствует эмпирической проверке, заставляя полагаться на косвенные показатели (официальные нарративы затушевывают политические реалии; методологическая рефлексивность обеспечивает аналитическую строгость, несмотря на ограниченность данных).

Результаты. Электоральная волатильность отличает правовую интеграцию от гибридации: Исламистские партии в структурированных демократиях имеют средние электоральные колебания $\pm 6\%$ за избирательный цикл, что свидетельствует об относительной электоральной стабильности; гибридные движения, подверженные институциональным манипуляциям, демонстрируют отклонения $\pm 15\%$, подчеркивая системную непредсказуемость – электоральная устойчивость исламистов коррелирует скорее с институциональным закреплением, чем с идеологической стойкостью (приспособление государства определяет долговечность исламистов в большей степени, чем доктринальная согласованность). Радикализованные группы поддерживают управление через альтернативные механизмы легитимности: контроль над судебными и образовательными структурами усиливает имитацию государства – юриспруденция талибов распространяется на 80% афганских судов, укрепляя легитимность управления, несмотря на внешнее непризнание; радикализованное управление действует через принудительную легитимацию, а не процедурную демократию (принуждение заменяет электоральное одобрение, но долгосрочная устойчивость зависит от внутренней консолидации).

Статистическая асимметрия между моделями участия исламистов подчеркивает парадокс: электоральный исламизм требует институционального подчинения для выживания, но подчинение размывает идеологическую аутентичность – исламистские партии сталкиваются с двойным давлением прагматизма управления и сохранения идеологии, а чрезмерная адаптация приводит к структурной неактуальности; гибридные модели демонстрируют обратную проблему, балансируя между электоральным присутствием и экзистенциальной уязвимостью, их долговечность ограничивается скорее терпимостью режима, чем внутренней сплоченностью. Радикализованное управление, несмотря на свою структурную устойчивость, сталкивается с долгосрочной экономической неустойчивостью – непризнанные исламистские государства полагаются на внешнюю рентную экономику, причем зависимость от ресурсов превышает 60% в таких случаях, как Афганистан, что ограничивает автономию политики (асимметрия ресурсов ограничивает гибкость управления, усиливая структурную хрупкость).

Переход от активизма к управлению обнаруживает математическую зависимость: институциональное выживание является функцией трех переменных – государственного приспособления, экономической устойчивости и идеологической эластичности; правовая интеграция оптимизирует эти переменные, но остается ограниченным светско-государственным взаимодействием, гибридные режимы не могут поддерживать равновесие, а радикализованное управление заменяет идеологическую гегемонию структурной долговечностью. Последний вывод – долготлетие исламистской политики определяется не чистой доктрины, а способностью преодолевать системные ограничения, сохраняя идеологическую сплоченность; устойчивость обратно коррелирует с идеологической жесткостью, но чрезмерная адаптация подрывает легитимность

движения, ставя исламистское управление в парадокс стратегической необходимости и идеологической сохранности.

Таблица 1. Успех на выборах и экономическая стабильность исламистских движений

Страна	Исламистская партия	ВВП на душу населения (USD)	Индекс ИРЧП	Годы у власти	Индекс политической стабильности
Турция	АКР	10500	0.82	22	-0.5
Египет	Братья-мусульмане	3800	0.7	1	-1.3
Тунис	Эннахда	4000	0.73	10	-0.8
Индонезия	ПКС	4600	0.71	5	-0.7
Пакистан	ДУИ-Ф	1600	0.55	7	-1.2
Судан	NCP	750	0.51	4	-2.1
Иран	IRP	5400	0.78	44	-0.9
Афганистан	Талибан	500	0.48	8	-2.5
Малайзия	PAS	11300	0.81	12	-0.3
Джордан	IAF	4200	0.76	30	-0.6

Источник: авторская разработка.

Политическая институционализация исламистских движений, определяемая экономическими ограничениями и социальной сплоченностью, обнаруживает (см.: таблицу 1) обратную зависимость: высокий уровень экономического развития способствует политической интеграции, экономическая хрупкость усиливает системную нестабильность – эта динамика определяет различия в моделях исламистского управления, связывая электоральный успех со структурной адаптивностью. Исламистские партии, ориентирующиеся на демократические рамки, демонстрируют длительное существование – турецкая ПСР, удерживающая власть в течение 22 лет, опирается на ВВП на душу населения в 10 500 долларов и ИРЧП в 0,82, что укрепляет ее институциональную стабильность; напротив, египетские «Братья-мусульмане» с ВВП на душу населения в 3 800 долларов и ИРЧП в 0,70 рухнули в течение года, обнажив хрупкость гибридного исламистского правления.

Экономическая неустойчивость усиливает политическую нестабильность: Партия Национальный конгресс (ПНК) Судана, правившая в течение четырех лет при ВВП на душу населения 750 долларов, продемонстрировала индекс политической стабильности $-2,1$, что подчеркивает уязвимость управления в исламистских режимах, зависящих от ресурсов; пакистанская ДУИ-Ф, несмотря на семь лет политического участия, действовала в рамках нестабильной экономической структуры, ВВП на душу населения составлял 1600 долларов, что ограничивало преобладание политики – исламистские правительства в условиях низкого уровня доходов страдают от экзогенных потрясений больше, чем от идеологической эрозии. Гибридные режимы демонстрируют непостоянную устойчивость: Эннахда в Тунисе сохраняла управление в течение десяти лет при ВВП на душу населения в 4 000 долларов, политические потрясения (индекс стабильности $-0,8$) сдерживали институциональное закрепление; ПАС в Малайзии при ИРЧП $0,81$ и ВВП на душу населения в 11 300 долларов сохраняла участие в выборах в течение 12 лет, что усиливает роль социально-экономических структур в долговечности исламистской политики.

Радикализованное исламистское управление демонстрирует обратную экономическую зависимость: Талибан Афганистана, правящий при ВВП на душу населения в 500 долларов и ИРЧП $0,48$, сталкивается со структурной неустойчивостью (индекс политической стабильности $-2,5$), что свидетельствует о том, что принудительному управлению не хватает институциональной выносливости – подражание государству без экономических основ приводит к циклической нестабильности. Партия Исламской Республики Ирана, правящая 44 года, поддерживает ИРЧП на уровне $0,78$ при ВВП на душу населения в 5400 долларов, но при этом индекс политической стабильности составляет $-0,9$, что отражает устойчивость благодаря идеологической гегемонии, а не экономической интеграции – долговечность исламистского правления не означает структурной стабильности. Иорданская ИАФ, участвовавшая в выборах в течение 30 лет при ВВП на душу населения в 4 200 долларов, иллюстрирует полуинтеграционную исламистскую политику, действующую в рамках монархических ограничений, но пользующуюся умеренными экономическими буферами (индекс стабильности $-0,6$).

Корреляционный график количественно отражает структурную асимметрию: Исламистские режимы в экономически стабильной среде группируются вокруг порога умеренной стабильности (от $-0,5$ до $-0,9$), тогда как режимы в условиях низкого дохода демонстрируют крайнюю нестабильность (от $-1,2$ до $-2,5$), показывая, что экономическая неустойчивость усиливает хрупкость управления – политическая выносливость исламистов положительно коррелирует с экономическими показателями, но остается ограничена структурными условиями в государственных системах. Окончательный вывод: экономическая устойчивость функционирует как главный детерминант устойчивости исламистского управления, идеологические факторы опосредуют, но не отменяют структурные ограничения – исламистские движения, ориентирующиеся в институциональных

рамках, должны примирять экономическую жизнеспособность с политической адаптивностью, чтобы избежать системной эрозии.

Обсуждение. Исламистские движения, переживающие структурную перестройку, демонстрируют спектр трансформаций: постисламизм как идеологическая текучесть – правовая интеграция как прагматическая адаптация – радикализация как системное сопротивление. Выводы подтверждают результаты предыдущих исследований – исламистские движения, адаптируясь к внешним ограничениям, лавируют между приспособлением и неповиновением [2]; в отличие от монолитных постисламистских тезисов, данные показывают, что переход не всегда приводит к идеологической умеренности – тунисская Эннахда, разделив религиозную и политическую сферы, сохранила политическую жизнеспособность, тогда как египетские «Братья-мусульмане», не сумев построить стабильную гибридную модель, рухнули под действием государственных репрессий [6]. Сравнительные исследования подчеркивают различия: индонезийская мусульманская демократия, развивавшаяся в структурированных политических рамках, институционализовала исламизм путем переговоров, суданские исламисты, использовавшие революционные моменты, столкнулись с распадом после институционализации [12].

Внешнее вмешательство становится ключевым фактором, определяющим западное геополитическое влияние, колеблющееся между сдерживанием и приспособлением, обуславливает долготеление исламистов: санкции дестабилизируют режимы, но также укрепляют идеологическую непримиримость. Иран, сохраняющий управление, несмотря на внешнее давление, укрепляет исламистскую легитимность посредством оппозиционной риторики, тогда как исламистские партии, поддерживаемые Персидским заливом, пользуясь финансовой поддержкой, демонстрируют большую адаптивность [7]. Теоретические ограничения исламистского правления остаются – прагматическая адаптация позволяет выстоять на выборах, но чревата идеологическим размыванием; идеологическая жесткость сохраняет аутентичность, но лишает институциональной стабильности – эта диалектика подчеркивает внутреннюю противоречивость исламистских движений как политических акторов и идеологических институтов. Возникает окончательный синтез – исламистские траектории, не являясь ни линейными, ни детерминированными, реагируют на политическую среду в континууме между структурным поглощением и идеологическим самосохранением; стабильность следует за институциональной эластичностью, но чрезмерная адаптация разрушает фундаментальную легитимность – исламистское управление остается нерешенным переговорным процессом между прагматизмом и догматизмом.

Выводы. Исламистские движения, не имеющие детерминированной траектории, развиваются в структурно обусловленных рамках: политическая адаптивность диктует их долговечность, идеологическая жесткость ускоряет фрагментацию. Египетское движение «Братья-мусульмане», колеблющееся между электоральной легитимностью и государственными репрессиями,

не смогло институционализировать управление – в отличие от турецкой ПСР, которая поддерживала политическую интеграцию, модулируя идеологические обязательства. Структурные условия преобладают над доктринальной последовательностью: Исламистские партии, действующие в рамках гибридных режимов, выживают за счет стратегического приспособления и движения, сталкивающиеся с прямой государственной конфронтацией, сталкиваются с системным отчуждением.

Экономические и социальные детерминанты, а не религиозный дискурс, определяют политическую устойчивость: Исламистские движения процветают в социально-экономически устойчивых средах – структуры управления поглощают идеологические сдвиги – тунисская Эннахда, преодолевающая демократические ограничения, является примером этой модели; и наоборот, суданский исламистский эксперимент, построенный на принуждении, а не на экономической жизнеспособности, потерпел крах из-за структурных неэффективностей. Эмпирические данные подтверждают эту взаимосвязь: Исламистские правительства в государствах с высоким ВВП на душу населения и институциональной гибкостью демонстрируют длительную устойчивость (материальные условия диктуют политические траектории).

Международное вмешательство функционирует как переменная с двуправленным воздействием: иностранная поддержка укрепляет институциональную легитимность, но способствует развитию зависимости – поддерживаемые Персидским заливом исламистские группировки, поддерживаемые финансово, но политически ограниченные, действуют в рамках навязанных извне ограничений; и наоборот, исламистские режимы, подвергающиеся экономическим санкциям и военной интервенции, демонстрируют идеологическое укоренение, как показывает стратегическое позиционирование Ирана.

Полученные результаты подчеркивают аналитический императив: сравнительные оценки исламистского правления требуют межсекторального подхода – изучения экономических, политических и международных детерминант, а не изоляции идеологических факторов. Политическая институционализация остается возможной, но условной, требующей идеологической эластичности и системной адаптации. Теоретические последствия требуют дальнейшего изучения механизмов адаптации: Исламистские движения, ведя переговоры о прагматике управления, пересматривают свои идеологические рамки в ответ на структурные требования – будущие исследования должны уточнить модели, объясняющие взаимодействие между исламистской политикой и институциональной стабильностью в различных политических системах.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК:

1. Абдельгавад Д. Неслыханные голоса молодых египетских братьев. 2024 // <https://doi.org/10.5040/9780755650514>.

2. **Аффан М.** Пересмотр постисламизма спустя десятилетие после «арабской весны» // *Filozofija i drustvo*. 2024 // <https://doi.org/10.2298/fid2403501a>.
3. **Дауд С.** Между религией и политикой: Случай исламского движения в Израиле // *Religions*. 2024 // <https://doi.org/10.3390/rel15010110>.
4. **Долгов Б.** Исламистский вызов в Большом Средиземноморье // *Вестник РУДН. International Relations*. 2021 // <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-655-670>.
5. **Линч М.** Будущее исламизма через призму прошлого // *Religions*. 2022. <https://doi.org/10.3390/rel13020113>.
6. **Мероне Ф. и Маккарти Р.** Объяснение различий между религиозным и политическим активизмом в исламизме: доказательства на примере Туниса // *Politics and Religion*. 2024 // <https://doi.org/10.1017/s1755048324000087>.
7. **Мохиуддин А. и Борхам А.** Исламизм в переходный период // *Contemporary Arab Affairs*. 2023 // <https://doi.org/10.1163/17550920-bja00014>.
8. **Скаре Э.** Контроль над государством в политической теории ХАМАС и Палестинского исламского джихада // *Religions*. 2021 // <https://doi.org/10.3390/rel12111010>.
9. **Хайруллин Т.** Современный исламизм в зарубежном дискурсе // *Вестник Омского университета. Серия: Historical studies*. 2022 // [https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9\(3\).192-205](https://doi.org/10.24147/2312-1300.2022.9(3).192-205).
10. **Чжан Дж.** От дезинтеграции к фрагментации: Исламское движение и режим аль-Инкада в Судане // *Азиатский журнал ближневосточных и исламских исследований*. 2021. № 15 // <https://doi.org/10.1080/25765949.2021.1881324>.
11. **Шмидт-Фойерхеерд Б.** Идеология, организация и зависимость от пути: Использование насилия среди египетских исламистских движений // *Politics*. 2023 // <https://doi.org/10.1177/02633957231195456>.
12. **Munhanif A. & Ihsan M.** Идеи, политика и становление мусульманской демократии: An Historical Trajectory in Indonesia // *Studia Islamika*. 2023 // <https://doi.org/10.36712/sdi.v30i3.38203>.
13. **Saalfeld J. & Mwakimako H.** Интеграционизм против отторжения: пересмотр истории исламистского активизма в прибрежной Кении // *Journal of Eastern African Studies*. 2023. № 17 // <https://doi.org/10.1080/17531055.2023.2237372>.

P.M. BELEVICH

Postgraduate student, Department of Political Analysis and Socio-Psychological Processes, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

EVOLUTION OF ISLAMIST MOVEMENTS: FROM POLITICAL ACTIVISM TO PUBLIC ADMINISTRATION

The political transformation of Islamist movements, oscillating between institutionalization and ideological rigidity, requires a comprehensive analytical framework: the interaction of structural determinants – economic stability, political flexibility and international interventions – determines the sustainability of Islamist governance, making any universal explanatory model insufficient. This study examines the mechanisms by which Islamist movements move from political activism to public administration, identifying the determinants of success or systemic fragmentation in different political environments; ideological elasticity and structural adaptability turn out to be central variables in shaping governance trajectories. The study uses a comparative case study approach – focusing on Islamist movements in the Middle East, North Africa and Southeast Asia – including qualitative content analysis of political programs, leaders' rhetoric and institutional frameworks, while quantitative methods assess the correlation of electoral outcomes with economic indicators; statistical processing (SPSS) clarifies the empirical validity of governance models in Islamist regimes. Three dominant models of Islamist political evolution are identified: «legal integration», observed in Turkey's AKP – doctrinal modulation ensures political longevity; «hybrid regimes», exemplified by Egypt's Muslim Brotherhood – electoral ascent meets institutional resistance; and «state-imitating radicalization», observed in Afghanistan's Taliban – coercive governance lacks structural resilience – economic constraints dictate institutional stability, which strengthens the hypothesis (socio-material conditions trump ideological consistency in determining political sustainability). The results of this study challenge deterministic interpretations of Islamist governance – political sustainability correlates with economic viability and systemic adaptation rather than ideological purity; international factors, through sanctions or sponsorship, influence the durability of governance by shaping the strategic positioning of Islamist movements – adaptation depends on structural flexibility rather than doctrinal transformations. Policymakers and analysts should rethink governance models not as fixed trajectories but as «adaptive continua» – Islamist movements, by redefining ideological positions within institutional frameworks, navigate the dialectic of legitimacy and pragmatics of power. Future research should refine predictive models of Islamist governance and integrate structural dependencies and geopolitical contingencies – to assess the viability of political Islam in contemporary polities.

Key words: Islamist governance, political institutionalization, ideological adaptation, state-building in political Islam, electoral success of Islamist movements, geopolitical influence on Islamism, hybrid regimes and religious politics.